

АНГЕЛИНА БАЛАБАЕВА
(Москва)

«ПОЧТЕННЫЙ ЧЛЕН НОВОЯВЛЕННОГО СУДА ЧЕСТИ»

*Первые газетные и журнальные реакции на статью
В. С. Соловьева «Судьба Пушкина»*

Статья посвящена разбору первых критических отзывов на статью В. С. Соловьева «Судьба Пушкина», выявлению устойчивых мотивов и образов в ее рецепции. На основе представленного анализа выстраивается картина восприятия фигуры Пушкина в 90-х гг. XIX века, в преддверии пушкинского юбилея 1899 года.

Ключевые слова: Вл. Соловьев, А. С. Пушкин, В. Д. Спасович, литературная критика, пушкинистика XIX века.

Информация об авторе: Ангелина Сергеевна Балабаева, студентка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Москва, Россия.

E-mail: angelinabalabaeva@gmail.com

«The Honourable Member of the New Court of Honour»:

*The First Newspaper and Magazine Reactions
to V. S. Solovyov's Article «Sud'ba Pushkina»*

The article is considered to analysis of the first reviews for the Vladimir Solovyov's article «Sud'ba Pushkina» (The fate of Pushkin) and finding stable motifs and images in its reception. Based on the presented analysis, we built a picture of the perception of Pushkin's figure in the 90s of the XIX century, on the eve of the Pushkin jubilee of 1899.

Key words: Vladimir Solovyov, A. Pushkin, Vladimir Spasovich, literary criticism, 19th century Pushkin studies

About the author: Angelina Balabaeva, student at Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia.

E-mail: angelinabalabaeva@gmail.com

DOI 10.48612/sum-2022-18-3-4-298-317

Спустя два года после публикации «Судьбы Пушкина» (1897) в статье «Значение поэзии в стихотворениях Пуш-

кина» (1899) В. С. Соловьев замечает, что его первая работа из «пушкинского триптиха»¹ вызвала «общее неудовольствие и единогласное осуждение в печати».² Вслед за этим — в примечании к той же статье — философ сгущает краски: «...среди нескольких десятков бранных отзывов, попавшихся мне на глаза, я помню один не бранный».³

С уверенностью можно сказать, что Соловьев несколько не преувеличивает. Рецензии и отзывы, действительно крайне отрицательные, публиковались на протяжении нескольких лет (1897–1899). Причем палитра такого рода реакций достаточно широка: и праведное негодование на попорченную память великого поэта, и попытка вступить в полемику на философской почве, и просто едкие и ироничные издевательства над «почтенным публицистом-философом».

Статья «Судьба Пушкина» была опубликована в девятом номере журнала «Вестник Европы». Редактор и издатель журнала М. М. Стасюлевич последовательно соблюдал традицию выхода нового выпуска строго первого числа каждого месяца, — соответственно, статья Соловьева увидела свет 1 сентября 1897 года. Первые реакции последовали незамедлительно: уже 5 сентября появляется отзыв В. Бунина в «Новом времени», в первые два месяца откликаются ещё несколько толстых журналов («Жизнь»,⁴ «Книжки

¹ Такое определение предлагается в статье американского ученого-слависта У. М. Тодда III. «Пушкинский триптих» объединяет три статьи, посвященные Пушкину: «Судьба Пушкина» (1897), «Особое чествование Пушкина» (1899) и «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» (1899). Несмотря на то что Соловьев планировал расширить этот список и создать полноценный цикл статей, имеющиеся работы, по мысли ученого, «составляют его [Соловьева] наиболее выдержанный и методологически разработанный корпус текстов об одном поэте» (*Todd III W. M. Vladimir Solov'ev's Pushkin Triptych: Toward a Modern Reading of Lyrics // Cultural mythologies of Russian modernism: from the golden age to the silver age / Ed. by V. Gasparov, R. P. Hughes, and I. Paperno. Berkeley; Los Angeles (CA), 1992. P. 254.*

² Соловьев В. С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 318.

³ Там же. С. 318.

⁴ *SI. Журнальные заметки. Polemika o Pushkine // Жизнь. 1897. Т. 8. С. 299–308.*

„Недели“»,¹ «Мир Божий»,² «Север»³) и газет, различной предметной и политической направленности («Московские ведомости»,⁴ «Новое время»,⁵ «Одесские новости»,⁶ «Русские ведомости»⁷), в ноябре 1897 года публикуется отдельная брошюра Б. В. Никольского «Суд над Пушкиным. Письмо к Буренину», посвященная разбору статьи Соловьева.

Здесь мы хотели бы сделать небольшое отступление и обратиться к другому автору, в чей круг интересов наряду с профессиональной юридической деятельностью входили и литературные труды. Речь идет об известном адвокате и общественном деятеле польского происхождения В. Д. Спасовиче, авторе ряда статей о русской и польской литературе, сотруднике журнала «Вестник Европы». Среди его наследия — торжественные речи («О Пушкине» (1887), «По случаю столетней годовщины рождения А. С. Пушкина» (1899)) и собственно печатные статьи о поэте («Пушкин и Мицкевич у памятника Петра Великого», «Байронизм Пушкина» и др.).

Основной пафос позиции В. Д. Спасовича по отношению к Пушкину заключается в противопоставлении «настоящего Пушкина»,⁸ чей образ восстанавливается благодаря новым находкам историков литературы, и Пушкина «полумифического»,⁹ идеализированного, которого, по мнению Спасовича, представил в своей знаменитой речи 1880 года Ф. М. Достоевский, а вслед за ним — Д. С. Мережковский.

¹ Литературная летопись. Из русских изданий // Книжки «Недели». 1897. № 9. С. 250–254.

² Богданович А. И. Суд над Пушкиным и мрачная философия «оправдания добра» Вл. Соловьева // Мир Божий. 1897. № 10. С. 7–10.

³ Присяжный читатель [Коринфский А. А.] Литература в журналистике // Север. 1897. № 36. 7 сент. С. 1139–1148.

⁴ Медведский К. П. Пушкин о «ничтожестве» поэта // Московские ведомости. 1897. № 271. 2 окт. С. 3.

⁵ Буренин В. П. Критические очерки // Новое время. 1897. № 7731. 5 сент. С. 2.

⁶ Одесские новости. 1897. № 4087. 17 сент. С. 2.

⁷ И-т. [Игнатов И. Н.] Литературные новости // Русские ведомости. 1897. № 266. 26 сент. С. 3.

⁸ Спасович В. Д. О Пушкине // Спасович В. Д. Соч. СПб. 1913. Т. 1: Литературные очерки и портреты. С. 211.

⁹ Там же. С. 211.

Особенное значение для нас имеет рецензия Спасовича на книгу Мережковского «Вечные спутники» (1897), большую часть которой занимает разбор очерка о Пушкине. Решительно критикуя образ, созданный Мережковским,¹ Спасович формулирует свое видение поэта, весьма близкое к соловьевскому. Схожи и сами обстоятельства публикации: напечатанная в шестом номере «Вестника Европы» за 1897 год, эта рецензия наверняка должна была быть известна Соловьеву. К сожалению, мы не располагаем никакими данными о переписке двух сотрудников журнала, в исследованиях о Соловьеве также не были найдены работы, посвященные их взаимоотношениям. Тем не менее на основании самих текстов можно предполагать некоторый диалог между авторами, существование точек их соприкосновения и размежевания.

Так, мотив противопоставления поэта и черни, постепенно усиливающийся в поэзии Пушкина, объясняется Спасовичем в том же ключе «личного чувства»² поэта по отношению к публике (ср. у Соловьева: «Он все более и более отдавался страсти оскорбленного самолюбия с ее ложным стыдом и злобною мстительностью»³). Не признает Спасович и роли общественной среды, «черни», в деле пушкинской гибели: «...с минуты появления в печати „Руслана и Людмилы“ он воцарился в области русской литературы и был непререкаемо

---

¹ Стоит также отметить критику В. Д. Спасовича выбранного Д. С. Мережковским источника — «Записок А. О. Смирновой» (1895), опубликованных незадолго до «Вечных спутников». Спасович был одним из первых, кто высказал сомнения в подлинности «Записок...». В XX веке споры о достоверности этого текста велись неоднократно (см.: *Крестова Л. В.* К вопросу о достоверности так называемых «Записок» А. О. Смирновой // *Записки А. О. Смирновой, урожденной Россет, с 1825 по 1845 г. М., 1999; Житомирская С. В.* А. О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие // *Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 612–631*). См. также: *Кошелев А. В.* «Я непременно хочу видеть этого упрямого хохла...» (К проблеме достоверности «Записок А. О. Смирновой») // *Вестник Московского университета. 2009. Сер. 9. Филология. № 2. С. 27–33.*

² *Спасович В. Д.* Д. С. Мережковский и его «Вечные спутники» // Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб., 2007. С. 680.

³ *Соловьев В. С.* Судьба Пушкина // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 293.

первым и величайшим поэтом России»¹ (у Соловьева читаем: «Едва ли <...> найдется другой пример великого писателя, который так рано, как Пушкин, стал общепризнанным и популярным в своей стране»²).

Безусловно, у ученого-юриста Спасовича мы не найдем мистически-религиозной подоплеки в размышлениях о Пушкине. Он даже соглашается с тезисом Мережковского о сочетании языческого и христианского начал в личности и творчестве поэта («хотя перевес имел все-таки язычник»³), в то время как для Соловьева зрелый период жизни Пушкина охарактеризован как раз таки пробуждением и раскрытием религиозного сознания, а последние дни после дуэли — окончательным торжеством духа, «примирением с Богом и миром».⁴ Спасович не ищет трансцендентного, мистического объяснения судьбы поэта, оставаясь в сферах социально-политических и психологических, обстоятельства которых могли бы повлечь за собой гибель поэта.

Спасович не указывает на разлад между обыденной жизнью и поэзией, который кажется Соловьеву существенно важной чертой личности Пушкина (чертой, носящей фило-софско-мистический характер, входящей в состав, скорее, духовной биографии поэта). Более того, критик, придерживающийся биографического и психологического методов анализа, близких культурно-исторической школе И. Тэна, настаивает на необходимости их тесной взаимосвязи: понять Пушкина для него возможно только путем сопоставления «произведений <...> с личностью поэта, с известными нам биографическими данными, раскрытием стоящего за произведением живого лица, со всеми его доблестями и слабостями».⁵ Спасович подчеркивает преимущество чувственного начала над рациональным в личности Пушкина. Не единожды отказывает он Пушкину в общественном самосознании и гражданственности. В этой связи он подвергает сомнению достоверность записок Смирновой-Россет, на которую опирается

¹ Спасович В. Д. Д. С. Мережковский и его «Вечные спутники». С. 680.

² Соловьев В. С. Судьба Пушкина. С. 289.

³ Спасович В. Д. Д. С. Мережковский и его «Вечные спутники». С. 676.

⁴ Соловьев В. С. Судьба Пушкина. С. 296.

⁵ Спасович В. Д. О Пушкине. С. 211.

Мережковский, во многом из-за того, что в них приведены невероятные для Пушкина, по мнению Спасовича, длинные и обстоятельные монологи о религии, философии, политике и истории. «Он был шутник и неистощимый остряк, насмехающийся незлобно, но позволяющий себе и тривияльности, приходившие ему на язык. <...> Никогда не подтверждал он своих положений целыми вереницами примеров, как то свойственно педантам и учителям, никогда он не наводил скуку самым изложением мыслей, которые у него не текли, а сверкали».¹ Соловьев проводит внешне ту же самую идею о превосходстве вдохновения над разумом: «...он [Пушкин] нам безусловно дорог не своими умными, а своими вдохновенными произведениями. Перед вдохновением ум молчит».² Дело, однако, не в недостатке ума, а в различной природе рационального и вдохновенного действия. Истинно поэтическое творчество возможно лишь при наличии иррационального, внешнего воздействия вдохновения (идущего от высших сфер бытия), ум применим лишь для внешней отделки созданного произведения и связан с техническим мастерством, а не гением.

При этом у обоих авторов присутствует характерная для конца XIX века интенция сказать «правду» о Пушкине, опираясь на новые источники в пушкинистике, число которых резко возрастает именно в конце 1880-х — начале 1890-х годов.³ Критикуя главный источник Мережковского, «Записки А. О. Смирновой», Спасович апеллирует к более авторитетному П. В. Анненкову и общеисторическим работам, которые ставят под сомнение достоверность изложенных в «Записках...» фактов. Соловьев не дает ссылки

¹ Спасович В. Д. Д. С. Мережковский и его «Вечные спутники». С. 666.

² Соловьев В. С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 323.

³ «Передача в Румянцевский музей пушкинского рукописного фонда, осуществленная наследниками поэта между 1880 и 1887 годами, и прекращение в 1887 году права собственности на произведения Пушкина вызывают оживление в деле издания его сочинений. <...> Так возникают предпосылки для создания кадров профессионального пушкиноведения, — процесс, развернувшийся уже в 1900-е годы» (Петрунина Н. Н. 90-е годы — начало XX века // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.: Л., 1966. С. 86–87).

на конкретных авторов, но указывает на «обнародованные после 1880 и особенно после 1887 года документы»,¹ позволившие ему сделать соответствующие выводы. Примечательно, что и Мережковский, не претендуя на объективную академическую оценку Пушкина, преподносил «Записки» Смирновой как новый материал, способный обогатить понимание Пушкина современниками.

Спасович (как потом и Соловьев в «Судьбе Пушкина») концентрирует свое внимание именно на биографической, а не творческой личности поэта, — и так же, как и Соловьеву, попытку дать критическую оценку Пушкину-человеку ему не простили. По поводу этой рецензии Спасовича на книгу Мережковского («Д. С. Мережковский и его „Вечные спутники“») возникла полемика между ним, Н. А. Энгельгардтом² и В. В. Розановым.³ Энгельгардт называет критику Спасовича «эристикой»,⁴ имея в виду, вероятно, то различие между софистикой и эристикой, которое существовало в Древней Греции, — под эристикой понималось умение спорить и отстаивать мнение любыми способами, вне зависимости от его правоты и справедливости.⁵ Оба риторических термина неслучайно упоминаются в связи со Спасовичем: владение риторикой, искусство убеждать, использовать доводы противника против него самого — все это относится к практическим навыкам адвоката, коим был Спасович. Из этого следует, что последний как бы переносит свою судебную методiku в область публицистики, беря на вооружение любые подходящие приемы. Так, Энгельгардт приводит пример одного из таких хитроумных рассуждений своего оппонента, которое подводит читателя к следующему выводу: «великих качеств ума и души не было у Пушкина».⁶ Энгельгардт резко возражает

¹ Соловьев В. С. Судьба Пушкина. С. 275. См. примечание выше о прекращении прав собственности на пушкинские тексты.

² Энгельгардт Н. А. Спасович о Пушкине // Новое время. 1897. № 7661. 27 июня. С. 2–3.

³ Розанов В. В. Два вида «правительства» // Новое время. 1897. № 7679. 15 июля. С. 2.

⁴ Энгельгардт Н. А. Спасович о Пушкине. С. 2.

⁵ Радлов Э. Л. Эристика // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1904. Т. 41. С. 27

⁶ Энгельгардт Н. А. Спасович о Пушкине. С. 2.

против этого тезиса: даже если ставить под сомнение правдивость записок Смирновой (в которых Пушкин изображается оратором и мыслителем), о гениальной мудрости поэта свидетельствуют его собственные сочинения. Несправедливый укор видит Энгельгардт в словах Спасовича о том, что идейные убеждения Пушкина «чередовались».¹ Для Энгельгардта движение пушкинской мысли видится в эволюции, все большем и большем углублении, а не легкомысленном колебании от либерализма к консерватизму. В этой статье впервые появляется мотив «суда», так как Энгельгардт метафорически переносит критику Спасовича в зал заседания. «Когда на суде свидетель показывает нечто, неблагоприятное защите, и это один единственный в деле свидетель, доказать, что он язычник и анархист, может быть, и значит выиграть дело».² Свидетелем-анархистом-язычником является Мережковский, которого выставляет таковым Спасович; сам же обвинитель выступает в своей привычной роли адвоката, которому требуется во что бы то ни стало выиграть дело.

Розанов в статье «Два вида правительства» выступает против идеи Спасовича о том, что Пушкин «„подыгрывался“ к правительству»,³ изменил своим друзьям и убеждениям молодости. Настоящее «правительство» писателя — не государственная власть, а читательская масса, которая способна «причинить столько страданий, сколько не сможет <...> причинить совершенно вам чуждое „правительство“ чиновников».⁴ И к своему поэтическому «правительству» Пушкин сохранил полную независимость, стремился в своей поэзии следовать только вдохновению, а не прихоти толпы. В связи с этим Розанов успеваает отпустить шпильку в адрес Спасовича: кому, дескать, как не адвокату знать, что такое угождать перед другими, идти на поводу у того, кто платит. В настоящей зависимости по своему роду деятельности оказывается Спасович, а не Пушкин: «И вот свободного раб зовет на суд и обвиняет в рабстве».⁵

¹ Там же. С. 2.

² Там же. С. 2.

³ Розанов В. В. Два вида «правительства». С. 2.

⁴ Там же. С. 2.

⁵ Там же. С. 2.

Таким образом, эта статья и возникшая вокруг неё полемика становятся фоном для соловьевской публикации 1897 года. Живой интерес критики и публицистики вызвали вопросы о взаимосвязи личности и творчества; о том, дозволено ли «судить» ушедшего из жизни автора; о том, насколько этичны и оправданы изыскания в области частной жизни и интимных перипетиях судьбы поэта. Эти вопросы станут лейтмотивами всех критических отзывов на статью Соловьева. Более того, полемика по поводу статьи Спасовича приуготовила ту призму восприятия, сквозь которую критика будет оценивать «Судьбу Пушкина» — устойчивый мотив «суда» над поэтом и недовольство дидактическим пафосом обоих авторов.

То, что наше предположение произвольно, подтверждают и первые отзывы на «Судьбу Пушкина». Практически молниеносный отклик в «Новом времени» написан скандально известным журналистом В. П. Бурениным спустя четыре дня после соловьевской публикации. Ключевым словом статьи Буренина становится «суд»: судьями он называет Мережковского, Спасовича и Соловьева и, мимоходом давая отрицательную характеристику первым двум, переходит непосредственно к автору разбираемой статьи. Мотив суда впоследствии будет прослеживаться в большинстве отзывов как образная доминанта в рецепции «Судьбы Пушкина» современниками. Нравственная критика Соловьева, затрагивающая личную жизнь поэта, видится Буренину продолжением линии Спасовича — линии несправедливого суда критика над поэтом, недозволительного уже потому, что по своему достоинству стоит гораздо выше своего «обвинителя». Признание за пушкинской дуэлью ее благотворного воздействия («Эту судьбу [Пушкина] мы по совести должны признать, во-первых, доброю, потому что она вела человека к наилучшей цели — к духовному возрождению, к высшему и единственно достойному его благу; а во-вторых, мы должны признать ее разумною, потому что этой наилучшей цели она достигла простейшим и легчайшим в данном положении, т. е. наилучшим способом»¹) представляется ему

¹ Соловьев В. С. Судьба Пушкина. С. 299.

«метафизической мудреностью»,¹ бесполезным теоретическим домыслом о событии, очевидно воспринимаемом «простыми смертными»² (читай: нормальными, здравомыслящими людьми, к которым Буренин причисляет себя и читателей) как национальная трагедия. Чтобы показать ошибочность идеи Соловьева, он гиперболизирует ее, доводя до абсурда: так, значение Провидения, «мудрого рока», распространяется им на других представителей русской литературы («Лермонтову рок и вздохнуть не дал, очистил и возродил его в несколько секунд пулей Мартынова. <...> Менее проворно рок „очистил“ от заблуждений Белинского, Кольцова и Гоголя»³). В качестве предшественника Соловьева в точке зрения философского «оптимизма» Буренин называет доктора Панглоса — героя повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм», утверждающего, что «все к лучшему» в «лучшем из возможных миров». ⁴ Естественно, что сравнение с Панглосом, который сам по себе является пародией на современного Вольтеру философа Лейбница, приобретает саркастическое звучание, указывает на «лжефилософствование» Соловьева. Отметим сразу, что образ Панглоса упоминается не в последний раз в контексте полемики вокруг статьи Соловьева и станет достаточно устойчивой характеристикой философа. Кроме того, в дальнейшем это обвинение получит терминологически более «серьезную» окраску: Соловьева будут обвинять в квиетизме — индифферентном, пассивном отношении к человеческой судьбе, в том числе к страданиям, которые, как считали представители этого мистико-религиозного учения, согласуются с божественным замыслом, а потому должны восприниматься как должное.

Журнал «Жизнь» откликается на «Судьбу Пушкина» в том же контексте: под общим заголовком «Полемика о Пушкине» приводится краткий обзор работ Спасовича, Энгельгардта, Розанова и Соловьева. Сочувственно отзываясь о статье Спасовича («Пушкин для г. Спасовича —

¹ Буренин В. П. Критические очерки // Новое время. 1897. № 7731. 5 сент. С. 2.

² Там же. С. 2.

³ Там же. С. 2.

⁴ Вольтер. Кандид, или оптимизм / Пер. Ф. Сологуба. М., 1997. С. 3.

гениальный художник, но вместе с тем живой человек»¹), рецензент вместе с тем считает бессмысленной последующую полемику, так как образ поэта в ней получает второстепенное значение: «Пушкин, так сказать, играет роль бенгальского огня, при ярком освещении которого можно не без грации произвести над противником операцию поношения».² По мнению рецензента, поставленная (и не решенная) Спасовичем проблема личности поэта не раскрывается и в работах его оппонентов: Энгельгардту автор рецензии отказывает в «ясности и удобопонятности»,³ в статье Розанова указывает на несколько верно подмеченных черт, но верность пушкинского портрета в целом ставит под сомнение. В связи с этим, хотя эпизодом дуэли и не исчерпывается биография поэта, рецензент обращается к статье Соловьева — попытка последнего объяснить трагедию Пушкина рассматривается как еще один подступ к судьбе поэта. Уважение к «почтенному философу, заслуженно пользующемуся этим названием»,⁴ сочетается здесь с решительным неприятием позиции Соловьева, в первую очередь — констатацией благого характера судьбы поэта, определившей его гибель. Такую трактовку автор иронически называет «елейной» (по сути, это определение сближается с «панглоссианством» и квиетизмом), в подтверждение приводя вышеупомянутую издевательскую цитату Буренина.

В том же ряду критических работ рассматривает «Судьбу Пушкина» и автор заметки в журнале «Север». Повышенное внимание к Пушкину в русской публицистике последнего времени для него — «непозволительная свистопляска перед именем величайшего из русских поэтов».⁵ Под «свистопляской» понимаются все те же работы Мережковского, Спасовича и Соловьева. Подчеркивая положительное отношение к Соловьеву, автор упрекает его в обращении к «критике

¹ *SI*. Журнальные заметки. Poleмика о Пушкине // Жизнь. 1897. Т. 8. С. 305.

² Там же. С. 301.

³ Там же. С. 305.

⁴ Там же. С. 307.

⁵ *Присяжный читатель* [Коринфский А. А.] Литература в журналистике // Север. 1897. № 36. С. 1142.

жизни» (т. е. к интерпретации личной биографии поэта) как «самой бесплодной, никому не нужной (хотя и большинству небезынтересной)».¹ В статье ярко проявляется мотив суда. «Север» произносит Спасовичу резкую отповедь, называя «адвокатом, преобразившимся в прокурора перед памятью Пушкина»² (обыгрывая профессиональную деятельность), по чьим стопам следует и Соловьев. Можно предположить, что такая характеристика связана не только с ситуацией обвинения, но и с повышенным вниманием к частным, порой чересчур интимным и неприглядным сторонам жизни «обвиняемого». Речь идет о некоторой беспринципности, которая может быть с разной степенью успешности применена в суде: невыгодные на первый взгляд детали личного характера могут дать успешный оборот делу. В этой связи стоит подробнее сказать о статье Розанова «Два вида правительства», посвященной разбору статьи Спасовича. Всесторонний ее анализ выходит за рамки нашей статьи, но интересно, что в процессе резкой критики как образа Пушкина, так и личности самого Спасовича, Розанов мимоходом упоминает «истязание розгами»,³ которое якобы защищает последний. Не называя прямо, философ имеет в виду вызвавшее огромный резонанс дело Кроненберга, на котором Спасович выступал защитником подсудимого, обвиняемого в избиении собственной дочери. Процесс попал в поле зрения Достоевского, который посвятил ему цикл статей в «Дневнике писателя», с приведением обстоятельств дела и цитированием защитной речи Спасовича. Из свидетельств следует, что оправдание отца во многом было достигнуто тактикой защиты Спасовича, которому удалось в выгодном свете представить весьма противоречивые подробности частной жизни (как, например, длительное проживание ребенка вне семьи, его характер и т. д.). Для нас же важен сам факт внимания Спасовича к сугубо биографическим деталям и перенесение их в область литературной критики. Если сравнить его позицию как

¹ Там же. С. 1142.

² Там же. С. 1143.

³ *Розанов В. В. Два вида «правительства» // Розанов В. В. О Пушкине: Эссе и фрагменты / Сост., вступ. статья, коммент. и указ. В. Г. Сукача. М., 1999. С. 154.*

адвоката и как публициста, можно говорить о том, что он переносит этот повышенный интерес к биографическим деталям и их социо-психологической интерпретации в область литературной критики. В обращении Соловьева к материалам пушкинских писем и в попытке дать этическую оценку пушкинским поступкам современники усмотрели если не подражание, то сближение с методом Спасовича. Соловьев, разумеется, юристом не был, но для оппонентов сближение его подхода с приемами талантливого и беспристрастного в своих суждениях адвоката показательно и красноречиво.

Очевидной становится рекомендация, которой рецензент «Севера» заключает свою статью: «Владимиру Соловьеву не идет становиться в пестрые ряды словоохотливых кумушек, перетряхивающих интимные стороны жизни, ловящих великих людей в моменты их ничтожества».¹

Сентябрьские отзывы «Одесских новостей» и «Русских ведомостей» написаны в том же ключе, скорее недоумения, нежели негодования перед «странной» философией Соловьева. К списку литературных аллюзий добавляется «хемницевский метафизик»² — герой сатирической басни И. И. Хемницера «Метафизик» («Метафизический ученик»), который вместо того чтобы спастись при помощи веревки, рассуждает о ее свойствах («Нет, погоди тащить; скажи мне наперед, — / Веревка вещь какая?»³). Подобно герою басни, Соловьев рационализирует то, что может быть только прочувствовано, подводит под рамки системы те факты, которые могут быть осмыслены житейской мудростью, а не отвлеченным «мудрствованием». Согласно критику «Русских ведомостей», общественность жаждет скорби, отражения в печати своего «горького чувства обиды»;⁴ не оправдывающая ожиданий статья Соловьева воспринимается в таком контексте ни много ни мало как неуместная и непочтительная.

¹ *Присяжный читатель* [Коринфский А. А.] Литература в журналистике // Север. 1897. № 36. С. 1143.

² Одесские новости. 1897. № 4087. 17 сент. С. 2.

³ *Хемницер И. И.* Метафизик // Хемницер И. И. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1963. С. 140. («Б-ка поэта». Большая сер.).

⁴ *И-т* [Игнатов И. Н.] Литературные новости // Русские ведомости. 1897. № 266. 26 сент. С. 3.

К числу отрицательных рецензий относятся и две статьи, опубликованные в «Московских ведомостях» (25 сентября и 2 октября 1897). Заключительные строки второй из них, на наш взгляд, отражают основной пафос недовольства их автора — К. П. Медведского: «И как отвратительны эти претензии, — вместо того, чтобы учиться у Пушкина, — учить его самого, да еще задним числом!»¹ Здесь прочитывается та же мысль, которую мы отмечали в отзыве Буренина: гений и достоинство Пушкина делают его недоступным для осуждения, а потому Соловьев не имеет права критиковать «великого поэта» и «великого учителя».²

В журнале «Мир Божий» был опубликован отзыв известного литературного критика А. И. Богдановича под заголовком «Суд над Пушкиным и мрачная философия „оправдания добра“ Вл. Соловьева». Цитата отсылает нас к труду Соловьева «Оправдание добра», напечатанному в том же 1897 году, где мыслитель отстаивал идею о последовательном стремлении всего сущего к Добру, о том, что сама природа человека обуславливает необходимость развития в себе светлых начал. Но для Богдановича построенная Соловьевым система представляется лишь предлогом для осуждения Пушкина. Приводя обширные цитаты из соловьевской статьи, критик заключает: «Вот обвинительный акт, написанный по всем правилам *прокурорского искусства*».³ В очередной раз акцентируется внимание на обвинительном характере статьи при помощи использования судебной лексики. Мировоззрение философа для Богдановича «ведет к квиетизму и аскетизму».⁴

Квинтэссенцией первых публицистических откликов на статью Соловьева стала работа Б. В. Никольского «Суд над Пушкиным. Письмо к В. П. Буренину», опубликованная отдельной брошюрой в 1897 году. В самом названии упоминается лейтмотив суда, отмеченный нами выше; подзаголовок

¹ Медведский К. П. Пушкин о «ничтожестве» поэта // Московские ведомости. 1897. № 271. 2 окт. С. 3.

² Там же. С. 3.

³ Богданович А. И. Суд над Пушкиным и мрачная философия «оправдания добра» Вл. Соловьева // Мир Божий. 1897. № 10. С. 8; курсив наш. — А. Б.

⁴ Там же. С. 9.

отсылает к уже известному нам отзыву критика «Нового времени». Впрочем, жанровая форма письма проявляет себя лишь в редких обращениях на «Вы» и нескольких упоминаниях буренинской статьи и, вероятно, нужна была лишь в качестве формального повода для обстоятельного разбора и разгрома статьи Соловьева. Никольский с негодованием указывает на интерес Соловьева к «черновым наброскам, интимным письмам, дневникам, счетным книжкам»¹ — словом, к личным документам поэта, которые, по его мнению, не имеют отношения к критическому разбору. Здесь мы снова сталкиваемся с неприятием вторжения в частную жизнь Пушкина. Это особенно примечательно в связи с тем, что именно на рубеже веков актуализируются научные изыскания литературоведов в области пушкинской биографии: публикуются архивные документы, письма, черновики.² Таким образом, допуская накопление фактографического материала, представители общественности выступали против попыток его интерпретации: «самое яркое и высокое светило нашей культурной жизни»³ находилось в пределах досягаемости лишь в области своих творческих свершений.

Отдельного упоминания заслуживает разбор Б. В. Никольским части статьи, посвященной стихотворению «Я помню чудное мгновенье...» и отношению Пушкина к А. П. Керн. Выразительный контраст между «гением чистой красоты» в поэзии и «вавилонской блудницей» в прозе, подчеркнутый Соловьевым, видится критику незаслуженным нравственным упреком в адрес Пушкина, обвинением в непорядочности его

¹ Никольский Б. В. Суд над Пушкиным. Письмо к В. П. Буренину. СПб., 1897. С. 4.

² Показательной, на наш взгляд, является реакция В. В. Розанова на публикацию в 1916 году «Дуэли и смерти Пушкина» П. Е. Щеголева — одной из знаковых работ, посвященных последним годам жизни поэта: «П. Е. Щеголев потратил 15 лет на „изыскания“, — чтобы еще подобрать и выцарапать откуда-нибудь документ для „объяснения дела“, которое ясно ослепительной ясностью в самом себе» (Розанов В. В. К кончине Пушкина: (По поводу новой книги П. Е. Щеголева «Смерть Пушкина») // Розанов В. В. О Пушкине. С. 124). Едкая розановская ирония говорит сама за себя, хотя сам философ обращал пристальное внимание на личный, интимный аспект пушкинской судьбы.

³ Никольский Б. В. Суд над Пушкиным. С. 5.

чувств, в чем он и спешит оправдать поэта. Страсть к «божественной очаровательнице» Керн была «добровольным самоослеплением, недолгой потерей самообладания»,¹ принесенными в жертву поэтическому вдохновению. Образ Керн, по мнению Никольского, находит свое отражение в фигурах Марины Мнишек («Борис Годунов») и Клеопатры («Египетские ночи») в их ослепительной красоте и честолюбии. Внезапное любовное увлечение оправдало себя подъемом творческой энергии. Если вернуться к статье Соловьева, то можно убедиться в искаженном понимании ее Никольским: некоторая разочарованность Соловьева основана на отсутствии у поэта «практического идеализма»,² то есть неспособности и нежелании воплощать в жизнь созданный им самим творческий идеал. Ни в источнике пушкинского вдохновения («Знакомая поэта, конечно, не была ни гением чистой красоты, ни вавилонскою блудницею, а была „просто приятною дамою“ или даже, может быть, „дамою приятною во всех отношениях“»³), ни в его действительном влиянии на поэта Соловьев не видит ничего предосудительного: он, скорее, с сочувствием отмечает тот факт, что задача активного преобразования реальной жизни (задача, которую сам философ считал основополагающей для всякого творчества, более того — для человека вообще) открылась для поэта лишь в последние годы его земного существования. Возможно усмотреть в этом покровительственно-наставническую интенцию, но не «посмертные назидания»,⁴ за которые упрекал его Никольский.

Кроме того, Никольский настаивает на искажении Соловьевым фактов дуэли. В частности, отношение Пушкина к Геккерну-отцу и сыну трактуется им (как в брошюре, так и в изданном спустя четыре года биографическом очерке «Последняя дуэль Пушкина», 1901) как презрение, исключяющее злобу: «Никаких следов этой вражды и ненависти невозможно допытаться даже при самом тщательном научении

¹ Там же. С. 16.

² Соловьев В. С. Судьба Пушкина. С. 277.

³ Там же. С. 278.

⁴ Никольский Б. В. Суд над Пушкиным. С. 34.

фактов и документов, если не говорить о минутных вспышках гнева при отдельных столкновениях. Пушкин глубоко презирал обоих, а в то же время и остерегался их. Ему органически была непонятна способность к унижениям ради спасения внешних приличий». ¹ Со стороны Геккернов критику видится лишь заискивание и назойливость при желании соблюсти декорум. Соответственно, такой взгляд противоположен мнению Соловьева, согласно которому ответственность за вторичный вызов лежит именно на Пушкине. Более поздние материалы в пушкиноведении скорее подтверждают соловьевскую точку зрения. Так, П. Е. Щеголев приводит отзыв Н. М. Смирнова, мужа Смирновой-Россет: «Оно [письмо Пушкина. — А. Б.] было столь сильно, что одна кровь могла смыть находившиеся в нем оскорбления». ² Никольскому же важно подчеркнуть положение Пушкина как «невольника чести», вынужденного принять вызов, однако не рассчитывавшего на него.

В брошюре Никольского мотив суда и осуждения достигает своего апогея: «суд чести», который устраивает Соловьев, противопоставляется Никольским суду высшему, божественному: «...только Тот может его осудить или простить, пред чьим судом все мы предстанем некогда». ³ Примечательно, что Никольский не упоминает об идее Провидения Божьего, к которой Соловьев приходит в конце своей статьи. Между тем можно говорить о том, что такое преломление мотива — в его религиозном аспекте — получит свое развитие у Розанова, который переведет полемику в религиозно-философское русло.

Единственным же «не бранным» отзывом, о котором вспоминает Соловьев, стала анонимная рецензия в «Книжках „Недели“» (сентябрь 1897), литературном приложении к одноименной газете. Автор ее возражает против сложивше-

¹ Никольский Б. В. Последняя дуэль Пушкина. СПб., 1901. С. 61.

² Цит. по: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. Пг., 1916. С. 143–144. Такого же мнения придерживается и С. Л. Абрамович, утверждая, что «крайне оскорбительное по содержанию и по тону, это письмо не оставляло его противникам никакого другого исхода, кроме дуэли на самых жестоких условиях» (Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году: (Предыстория последней дуэли). Л., 1984. С. 149).

³ Никольский Б. В. Суд над Пушкиным. С. 47.

гося мнения о том, что статья философа — «обвинительный акт против великого поэта», «проповедь квиетизма».¹ Аргумент рецензента в защиту Соловьева сводится к следующему: анализ обстоятельств, приведших Пушкина к гибели, — это не попытка принизить или подвергнуть сомнению авторитет поэта, но указание на «высокий нравственный идеал»,² который приложим не только к гипотетическому развитию пушкинской судьбы (что было бы, если бы жажда личной мести в душе Пушкина уступила место сознанию долга гения), но и к жизни каждого человека. Таким образом, этот отзыв можно назвать первым, который, пусть и в общих чертах, выводит проблематику статьи Соловьева на иной, уже общечеловеческий уровень. Стоит, однако, признать, что дальнейшее содержание рецензии не развивает выдвинутый тезис. По сути, она представляет собой подробный пересказ с приведением обильных цитат из текста Соловьева — из чего можно заключить, что автор рецензии принимает ход рассуждений философа, но не привносит к соловьевской мысли ничего нового.

Подытоживая содержание и структурные особенности первых критических отзывов на статью «Судьба Пушкина», можно говорить о том, что вопрос о дозволенности критического анализа частной жизни художника в глазах культурной среды 90-х гг. XIX века решается преимущественно в отрицательном ключе. *De mortuis aut bene aut nihil* — эта установка продолжает господствовать, равно как и взгляд на Соловьева как на обвинителя поэта, неправомочно взявшего на себя эту роль. Отметим еще раз интересное противоречие, которое заключается в сосуществовании все возрастающего интереса к подробностям биографии Пушкина³ и вместе

¹ [Б. н.] Литературная летопись. Из русских изданий // Книжки Неделю. 1897. № 9. С. 250.

² Там же. С. 250.

³ В частности, подробный библиографический перечень пушкинской юбилейной литературы представлен в библиографии В. В. Сиповского (Пушкинская юбилейная литература, 1899–1900 гг.: Критико-библиографический обзор / Сост. В. В. Сиповский. СПб., 1901), который демонстрирует значительный объем новой литературы, посвященной биографии Пушкина и его родословной, вплоть до публикации церковной выписки о смерти поэта.

с тем — решительного неприятия авторского прочтения событий пушкинской жизни с привлечением этих самых новых подробностей. Можно сказать, что указанное противоречие давало благоприятную почву для развития культурных споров о личности поэта на рубеже XIX—XX веков, об определении роли и значимости Пушкина для современного поколения и актуализировало дальнейшие поэтологические и биографические изыскания в пушкинистике.

Кроме того, нами была отмечена параллель между работами Спасовича и Соловьева: статья первого послужила своего рода фоном для восприятия «Судьбы Пушкина», а на совпадении между ними указывали современники. Интерес обоих (и не только их) к тому, чтобы проанализировать биографию поэта (в социально-психологическом аспекте в случае со Спасовичем и в духовном — у Соловьева) и интерпретировать его творчество в свете найденного «настоящего Пушкина» роднит их и, скажем больше, составляет показательную черту эпохи. Тексты Спасовича, Соловьева, Мережковского и впоследствии В. В. Розанова очевидно вызывали бурную реакцию именно благодаря ярко выраженному нонконформистскому истолкованию «судьбы» Пушкина, расходящемуся с установившейся и идущей от В. А. Жуковского традиции изображения дуэльных и последуэльных событий.

Наиболее ярко проявивший себя мотив суда, в соответствии с нашей гипотезой, объясняется тем, что работа Спасовича предшествовала соловьевской: в таком общем контексте образ бесстрастного прокурора, судебного обвинителя метафорически переносится с профессионального юриста на философа-критика.

Мировоззренческие установки Соловьева истолковываются как квиетизм и «панглоссианство», равнодушное и излишне смиренное отношение к событиям окружающей действительности, пассивность ума и воли. Стремление Соловьева по-иному взглянуть на судьбу Пушкина, объяснить ее посредством приложения философской теории встречает отпор в общепринятом признании «ранней смерти поэта».¹

---

¹ *И-т [Игнатов И. Н.] Литературные новости // Русские ведомости. 1897. № 266. 26 сент. С. 3.*

Философское истолкование ее противопоставляется «чувственному отклику»,¹ оно кажется критикам излишне холодным, стоически бесстрастным, а потому неприменимым к такому событию, как смерть великого национального поэта. Первые публицистические попытки обратиться к философской стороне статьи предваряют полемику между Соловьевым и Розановым о фигуре Пушкина, в которой размышления о поэте отступают на второй план перед вопросами религиозного и метафизического порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1836 году: (Предыстория последней дуэли). Л., 1984.
2. *Петрунина Н. Н.* 90-е годы — начало XX века // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 85–105.
3. *Todd III W. M.* Vladimir Solov'ev's Pushkin Triptych: Toward a Modern Reading of Lyrics // Cultural mythologies of Russian modernism: from the golden age to the silver age / ed. by B. Gasparov, R. P. Hughes, and I. Paperno. Berkeley and Los Angeles, California, 1992. P. 253–263.

REFERENCES

1. *Abramovich S. L.* Pushkin v 1836 godu (Predystoriya poslednej dueli). L., 1984. (In Russ.)
2. *Petrulina N. N.* 90-e gody — nachalo XX veka // Pushkin: Itogi i problemy izucheniya. M.; L., 1966. P. 85–105. (In Russ.)
3. *Todd III W. M.* Vladimir Solov'ev's Pushkin Triptych: Toward a Modern Reading of Lyrics // Cultural mythologies of Russian modernism: from the golden age to the silver age / ed. by B. Gasparov, R. P. Hughes, and I. Paperno. Berkeley and Los Angeles, California, 1992. P. 253–263.

---

¹ Одесские новости. 1897. № 4087, 17 сент. С. 2.